

- ВАС ВЫЗЫВАЕТ СОФИЯ
- ПУАНТЫ ДЛЯ ИРИНЫ
- ТЕМА НАШЕГО РАЗГОВОРА
- СТАТЬ ОЧЕВИДЦЕМ
- ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

БАЛЕРИНА

ДЕВОЧКА хотела танцевать. Под музыку и без музыки. Она учила кукол делать пируэты и играла с ними в балет. И все время приставала то к папе, то к маме: «Отведите меня в кружок». Она добила своего и начала учиться хореографии. А однажды педагог Валентина Георгиевна Галанкина, в прошлом балерина Большого театра, посоветовала родителям девочку отдать дочку в Московское академическое хореографическое училище.

Списки поехал смотреть папа. «Твоей фамилии нет», — сказал он. «Не может быть», — возразила девочка. «Ты права», — ответил папа, — я пошутил». Ира Василини стала воспитанницей училища.

Другие девочки обедались мороженым, ходили друг к другу в гости и рано ложились спать. Она же, в десять лет поняв, что балет это тяжелый труд, не позволяла себе никаких поблажек. Ей ничего не давалось легко, ни тогда, ни теперь. Она видела, как более одаренные, но, увы, менее трудолюбивые ученицы не справлялись с программой и уходили. Распределение Ирина получила в Большой.

Утром класс. Вечером — класс. Семичасовой рабочий день. Еще сольная репетиция. Нагрузка не для каждого. Но, как говорит Ира, «балетные — особый народ, сильные все по натуре».

Она быстро вошла в репертуар театра. Танцевала, не зная усталости. Или не желая знать. Как-то на спектакле почувствовала сильную боль в ноге. Пять раз за кулисами ей замораживали болезненное место хлорэтилом, но дотанцевала до конца. «Не сошла с пальцев», как говорят балерины.

Микротравмы ахиллова сухожилия накладывались одна на другую, образовывались спайки. От этой боли Ира уставала, но ни за что не хотела пропустить класс. И только в танце забывала про боль. Смотреть, как танцуют другие, и стоять в стороне было для нее еще хуже.

Большой театр был с гастролями на Дальнем Востоке.

Труппа только вернулась из Японии. Сказались трудные нагрузки и холода во Владивостоке. Ирина вместе со всеми делала класс. «Батман тондю», — говорил педагог, и стройный ряд балерин красиво приседал у станка. «Батман тондю», — повторила про себя Ира и вдруг с ужасом поняла: не может. Ни сесть, ни на пальцы встать. Прежняя боль, сильная, как никогда, пронзила щиколотку.

А гастролы продолжались. Каждый вечер владивостокский театр был переполнен. Люди шли смотреть большой балет. И каждый вечер на сцену выходила Ира. С распухшей, плотно перевязанной ногой. Две недели подряд.

— Почему не просила замену? — удивляется вопросу Ира. — Не было замены, многие простудились. И перед Юрием Николаевичем Григоровичем неудобно было. В балете многие работают через боль. Миша Цивин сломал ногу в Италии, когда танцевал Ромео. Спектакль довел до конца, но потом по этой самой сцене от боли катался. А Боря Акимов, наш комсорг, больше года от тяжелой травмы лечился. А Васильев, а Гордеев? Балетные все такие.

ТРУППА вернулась в Москву, и началась привычная работа в своем театре. Ирина по-прежнему приходила утром в класс, но ничего не получалось, нога не проходила. Ира испробовала все средства: и массаж, и компрессы, и уколы. Не помогло. А ведь, казалось, все только что заметили в театре, доверили первую сольную партию «Синяя блуза» в балете «Золотой век».

«Не сможешь больше танцевать», — сказал ей один хирург, любивший говорить только правду. Но хирург ошибся.

Потом ЦИТО, отделение спортивной и балетной травмы. Там никто из врачей не сомневался в успехе и не предсказывал балерине печального будущего вдали от сцены.

— Там какая-то особая атмосфера, — вспоминает Ирина. — Все друг за друга болеют. И никто не падает ду-

хом. Сначала мне не хотели делать операцию. Ведь операцию можно сделать только раз, чтобы потом двадцать лет танцевать. И Зоя Сергеевна Миронова предложила: будем делать блокаду по-нашему. О, я никогда не забуду эту «блокаду по-нашему»...

Она с мольбой смотрела на хирургов, внутренне решившись: только операция.

— Иру Василини помню, — говорит Сергей Павлович Миронов, заведующий отделением спортивной и балетной травмы ЦИТО. — Паратенонит ахиллова сухожилия — травма довольно распространенная в балете и в легкой атлетике. Рубец, который образуется в результате нескольких травм, стягивает ткань, не позволяя в полную силу работать стопой. Все, кого мы оперировали, вернулись в спорт или в балет. Но с Ириной мы немного побаивались, были колебания относительно диагноза. А рисковать тут нельзя. Вам или мне слегка ограниченная подвижность стопы не так страшна, как балерине.

Ира не помнит, как везли в операционную, как делали наркоз, как привезли в палату. На четвертый день она встала и пошла по длинному коридору на костылях. И тут же упала. Но поднялась и пошла дальше. «Почему не на зарядке? — строго спросила Зоя Сергеевна Миронова. — Вы балерина или кто?»

Спортсмены каждое утро занимались в спортзале, и рядом с ними у станка делала класс балерина. Приходилось непросто. За время болезни атрофировалась икра, о прежней легкости можно было только вспоминать.

— Но я знала, что люди после куда более тяжелых травм ставили рекорды. И потому ни минуты не сомневалась: придет день, когда я смогу танцевать, как раньше. Было невозможно — занималась лежа, по методике Бори Акимова. А когда вернулась в театр, помню, Миша Лавровский класс давал, в первый раз за все время испугалась. Ничего не успевала. Сказывались четыре месяца болезни. За это время можно было

потерять все. И она начала неистово тренироваться. Даже дома у телевизора не сидела спокойно: разрабатывала ногу. И к концу сезона уже делала класс вместе со всеми. Правда, страшно было прыгать, трудно — вставать на полупальцы. Но Ира знала: театр готовится к гастролем в Красноярске, а она так соскучилась по труппе, по работе...

В запасе оставался отпуск. На море люди загорали, наслаждаясь отдыхом. Она училась плавать в лапах, ходила по восьми километрам в день и занималась. Но в Красноярск Иру не взяли.

Театр опустел. Большой уехал на гастролы. И в густом пустом классе каждый день занималась балерина. Одна. Без педагога и без музыки. К вечеру болели ноги. Она приезжала домой без сил. А утром снова ехала в театр.

Ира достает из шкафа новые балетные туфли. На подошве — ее фамилия. У каждой балерины в мастерских театра есть своя колодка. Держу в руках маленькую атласную туфельку с твердым, «каменным» носком. Здесь еще надо будет отпороть пятку, пришить тесемки, поработать молотком. Чтобы туфелька сидела на ноге удобно и красиво.

КОГДА сидишь в зрительном зале и зачарованным взглядом провожаешь «душой исполненный полет», видишь только легкость и красоту. Кажется, без всяких усилий балерина крутит фуэте и взлетает над сценой, подвластная только музыке. Но за воздушностью танца и виртуозностью движений — тщательно скрытый от постороннего глаза тяжелый труд у балетного станка, когда свинцом наливаются ноги и пот застилает глаза. Главное — не сойти с пальцев...

— Ира, скоро на сцену. Получится?

— Должно получиться.

Е. СВЕТЛОВА.